Красинский Владислав Вячеславович
доктор юридических наук, профессор ГПИ,
полковник; член ОНМКС при ЦИК России

Правовые позиции российских и зарубежных органов конституционной юстиции о пределах ограничения государственного суверенитета

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы коллизионности национальных и международных правовых норм и юрисдикций, обосновываются механизмы разрешения конвенционно-конституционных коллизий. Опираясь на практику конституционных судов Германии, Австрии, Италии, Великобритании и России, автор раскрывает проблему признания юрисдикции международных организаций и обязательности соответствующих решений наднациональных органов.

Ключевые слова:

Государственный суверенитет, пределы государственного суверенитета, коллизии международных и национальных правовых норм, органы конституционной юстиции, Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Annotation: In the article the author examines the questions of domestic and international rule of law and jurisdictions, substantiates the mechanisms of solving conventional and constitutional collisions. Relying on the practice of German, Austria, Italy, Great Britain and the Russian Federation constitutional courts, the author exposes the problem of international organizations jurisdiction acknowledgement and obligatoriness of respective decisions of supranational organs.

Key words: state sovereignty, ambits of state sovereignty, collisions of domestic and international rule of law, organs of constitutional justice, Constitutional Court of the Russian Federation, European Court of Human Rights, European Convention on Human Rights.

Источник опубликования: *Красинский В.В.* Правовые позиции российских и зарубежных органов конституционной юстиции о пределах ограничения государственного суверенитета // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 1. С. 46-54.

Вопросы коллизионности национальных и международных правовых норм и юрисдикций, возможности и пределов ограничения государственного суверенитета, уступок юрисдикции зарубежным правовым системам давно вызывают научный и практический интерес. Данная проблематика приобрела актуальность по нескольким причинам:

- в связи с законодательным закреплением в ряде национальных законов (в т. ч. российских) положений о «верховенстве» («первичности») международно-правового регулирования над национальным;

- в связи с регулярными попытками ведущих государств англо-саксонской правовой системы расширить свою юрисдикцию, осуществлять функции международного законотворчества и правосудия;

- в связи с принятием различными органами международного правосудия (главным образом, Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) некоторых «конфликтных» решений, посягающих на базовые конституционные принципы и основы национальных правовых систем.

Рассмотрим перечисленные проблемы взаимоотношений национальных и международных правовых систем.

В настоящее время нет норм международного права, которые бы устанавливали, каким образом должны решаться противоречия между внутригосударственным и международным правом в случае расхождения между ними. Вопрос оставлен на усмотрение законодателя и правоприменительных органов каждого государства¹.

Вместе с тем, как отмечают российские государствоведы, на волне ультралиберальной идеологии 90-х гг. XX в. в ряде федеральных законов были закреплены монистические положения, прямо или косвенно предусматривающие первичность (надконституционность) международно-правовых норм в регулировании конкретных сфер общественных отношений в Российской Федерации².

¹ Международное право / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: Омега – Л, 2006. С. 102. Степень монистичности или дуалистичности государств в части соотношения международного и внутригосударственного права зависит от подхода к введению международных норм в национальное право. Некоторые государства (Нидерланды, Япония, Австрия) предоставляют международным договорам приоритет перед своими конституциями. В большинстве стран (Франция, Испания, Россия и др.) международные договоры имеют более высокий статус, чем обычные законы, но меньший, чем Конституция. В других государствах (Великобритания, США) – статус обычного закона.

² К примеру, ст. 2 Трудового кодекса РФ, ч.3 ст.3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, ст. 6 Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», ст.1 Федерального закона «Об основах

Сложившаяся ситуация вызвала у специалистов ожидаемые дискуссии о необходимости определения соотношения международно-правового и конституционно-правового регулирования, выработки подходов к основаниям и пределам ограничения государственного суверенитета, разработке рациональных юридических механизмов разрешения конфликтов между наднациональными и национальными органами¹.

Высказывались мнения, что такое регулирование напрямую противоречит принципам верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации (ч.2 ст.4, ч.1 ст. 15 Конституции), подрывает государственный суверенитет. В качестве дополнительной аргументации приводились правовые положения ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет требование соответствия признания и гарантирования Российской Федерацией прав и свобод человека и гражданина Конституции Российской Федерации; норм ст. 79 и п. «г» ч. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации, исключающих принятие Российской Федерацией международных договоров, положения которых расходились бы с основами конституционного строя².

обязательного социального страхования», ч.1 ст. 4 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Данная позиция обосновывалась буквальными трактовками монистической теории примата международного права над внутригосударственным. См. *Киселев А.* О пределе уступчивости // *ЭЖ-Юрист*. 2013. № 49; *Пузанов И.* Между Конвенцией и национальным законодательством // *ЭЖ-Юрист*. 2011. № 6.

¹ *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 1997. С. 205-206; *Будылин С.Л.* Конвенция или Конституция? Международное право и пределы государственного суверенитета // *Закон*. 2013. № 12; *Джагарян А.А.* Концепция суверенной демократии в конституционном измерении / Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении. Сб. статей и материалов. М.: Рос. газ., 2007. С. 141, 143; *Зорькин В.* Предел уступчивости // *Рос. газ.* 2010. 29 октября; *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен : монография. М.: Норма, 2013. С. 176, 180, 190; *Садреддин О.* Европейская Конвенция по правам человека и национальные правовые системы стран – членов Совета Европы. Роль Комитета Министров // *Юрист – международник*. 2005. № 2; *Худолей К.М.* Конституционность решений ЕСПЧ и их исполнимость // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2013. Вып. 2.

² *Эбзеев Б.С., Айбазов Р.А., Краснорядцев С.Л.* Глобализация и государственное единство России. М.: Формула права, 2006. С. 7, 184; *Джагарян А.А.* Концепция суверенной демократии в конституционном измерении / Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении. Сб. статей и материалов. М.: Рос. газ., 2007. С. 142.

Вопрос соотношения национального и международного права, возможностей и пределов ограничения государственного суверенитета неразрывно связан с готовностью конкретного государства добровольно допустить международный элемент в сферу своей юрисдикции и тем самым самостоятельно ограничить содержание национальной юрисдикции.

Признание юрисдикции международных организаций и обязательности соответствующих стандартов не противоречит целям достижения внутренних национальных интересов суверенного государства, основанных на балансе конституционно защищаемых ценностей в его Конституции. Международное право, будучи инкорпорированным по воле государства в его национальную правовую систему, не должно игнорировать цели и принципы данной правовой системы. В связи с этим нормы международного права должны толковаться и применяться на внутригосударственном уровне как с точки зрения целей и принципов международного права, так и согласно соответствующим ориентирам внутригосударственного права¹.

Распространенная точка зрения о «верховенстве» международного права является весьма поверхностной и упрощенной. Речь идет о только приоритете международного договора в применении перед законом в случае их коллизии. Что касается Конституции, то она занимает доминирующее положение в любых коллизионных ситуациях.

Ко второй группе проблем, актуализирующих вопросы коллизионности национальных и международных правовых норм, возможности и пределов ограничения государственного суверенитета в ходе взаимодействия национальных и зарубежных правовых систем, относятся регулярные попытки ведущих государств англо-саксонской правовой семьи необоснованно расширять свою юрисдикцию и осуществлять функции международного законодательства и правосудия.

¹ Борисов И.Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010. С. 121-122.

Нужно отметить, что США являются единственным государством, которое не только «помогает» национальным парламентам принимать внутригосударственные законодательные акты, но и само принимает законы для других стран мира. Примером распространения юрисдикции Соединенных Штатов на другие государства является Закон о свободе вероисповедания в странах мира от 27 января 1998 г., Закон о демократии в России 2002 г., Закон о демократии в Беларуси от 20 октября 2004 г. Экстерриториальное действие имеют Законы США «О коррупции за рубежом» (Foreign Corrupt Practices Act) 1977 г., «Об усилении борьбы с терроризмом в США и за их пределами» 1993 г., Закон Великобритании «О взяточничестве» (United Kingdom Bribery Act) 2010 г. Еще одним элементом американской «универсальной» юрисдикции стал «закон Магнитского» (Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012), который основывается на заявлениях о систематическом нарушении в России основополагающих прав человека. Данный закон позволяет властям США оценивать деятельность российских официальных и частных лиц, выдвигать обвинения в адрес российских граждан, ущемлять во внесудебном порядке их имущественные и иные законные интересы на основании обвинений в нарушении национальных, иностранных и международных правовых норм.

Размышляя о проблеме совершенствования международной юстиции, В.Д. Зорькин отмечает настойчивое распространение на сферу международных отношений норм прецедентного англосаксонского права¹. Речь идет об использовании американских и британских судебных решений для преследования подозреваемых вне национальной территории. Данными нормами пытались юридически обосновать убийство Усамы бен Ладена в Пакистане, применение англосаксонской нормы «провоцирования на

¹ Следует отметить, что ЕСПЧ, о котором речь пойдет далее, также является институтом прецедентной системы права. См. пункт 1 статьи 28 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

преступление» в ходе ареста в Таиланде и последующей экстрадиции в США гражданина России В. Бута¹.

Юристы Великобритании и США предпринимают активные попытки распространения этих судебных «прецедентов» на практику международного правосудия. Для этого используются решения Международного уголовного суда в отношении руководителей Малави, Чада и Ливии, которые якобы выступают достаточными прецедентными основаниями для аналогичных решений по любым «диктаторам» из любых государств. «Прецедент» Ливии рассматривается ими как легальная основа для насильственного отстранения от власти с помощью «международной коалиции» Президента Сирии Б. Асада.

Автор разделяет позицию В.Д. Зорькина, что «такая трансформация международного правосудия неизбежно ведет к его замене тривиальным сведением счетов, произволом, облеченным в форму судебных вердиктов»².

Третья группа проблем, актуализирующих необходимость осмысления характера взаимоотношений национальных и наднациональных органов, выработки новых подходов к основаниям и пределам ограничения государственного суверенитета, относится к принятию ЕСПЧ «конфликтных» решений, посягающих на базовые конституционные принципы и основы национальных правовых систем.

Изначально при создании ЕСПЧ предполагалось, что Европейский Суд будет рассматривать только конкретные жалобы на предполагаемые (допущенные) нарушения требований Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) (с правом присудить выигравшей стороне «справедливую компенсацию» материального ущерба, морального вреда, а также возмещение издержек и расходов), однако со временем произошло изменение статуса и прецедентной практики Суда. В 2004 г. Европейский Суд в соответствии с Резолюцией Комитета Министров Совета

¹ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен : монография. М.: Норма, 2013. С. 415.

² Зорькин В.Д. Там же. С. 265.

Европы от 12 мая 2004 г. стал издавать т.н. «пилотные постановления» (pilot judgements) о необходимости изменения национального законодательства, правоприменительной и судебной практики, рекомендовать принятие иных мер, влекущих юридические последствия¹. Указанные рекомендации по гармонизации правовой базы и судебной практики можно было бы только приветствовать, если бы они в ряде случаев не подменяли собой контроль национального законодательства, не затрагивали конституционные устои государств и принудительно не обеспечивались контрольным механизмом исполнения решений ЕСПЧ в соответствии со ст. 46 Конвенции.

Подобная эволюция правового статуса Европейского Суда и одностороннее расширение его правосубъектности вызвали закономерную реакцию ряда ведущих конституционных судов Европы (в первую очередь, Германии, Австрии, Италии, Великобритании и России).

Одним из первых вырабатывать конституционно-правовую доктрину защиты государственного суверенитета и формировать пределы его ограничения начал Федеральный Конституционный Суд Германии.

В нескольких своих постановлениях – от 29 мая 1974 г., от 11 октября 1985 г., от 14 октября 2004 г. и от 13 июля 2010 г. Федеральный Конституционный Суд ФРГ сформулировал и обосновал правовую позицию «об ограниченной правовой силе постановлений Европейского Суда». Согласно этой позиции государство обязано исполнять постановление ЕСПЧ в рамках участвующих в рассмотрении дела лиц и в отношении конкретного предмета спора, рассмотренного ЕСПЧ. Однако «государство вправе не

¹ Практика «пилотных постановлений» ЕСПЧ возникла в 2004 г. после принятия в марте 2004 г. Комитетом Министров Совета Европы резолюции, рекомендовавшей Европейскому суду фиксировать наличие системных проблем и предписывать «меры общего характера», включая принятие и изменение законодательных актов. Resolution Res(2004)3 of the Committee of Ministers on judgments revealing an underlying systemic problem, 12 May 2004 // URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=743257>

учитывать решение Европейского Суда в случаях и в частях, противоречащих конституционным ценностям, защищаемым Основным законом Германии»¹.

В решении от 29 мая 1974 г. (известном как Solange-1) Федеральный Конституционный Суд заявил о том, что намерен сохранять свою компетенцию по проверке норм права ЕС и решений Европейского Суда справедливости на предмет их соответствия правам человека, изложенным в Основном законе ФРГ, до тех пор, пока Европейские сообщества не будут обладать собственным каталогом прав человека, который был бы адекватен каталогу прав, установленному Основным законом².

Аналогичный подход использовал Конституционный Суд Итальянской Республики, не согласившись с выводами ЕСПЧ относительно трансграничных пенсионных выплат, которые были сформулированы в Постановлении от 31 мая 2011 г. по делу «Маджо (Maggio) и другие против Италии». В частности, в Постановлении от 19 ноября 2012 г. по делу № 254/2012 он указал, что соблюдение международных обязательств не может являться причиной снижения уровня защиты прав, уже заложенного во внутреннем правопорядке, но, напротив, может и должно представлять собой действенный инструмент расширения этой защиты³.

В решении от 12 октября 1993 г. Федеральный Конституционный Суд ФРГ проверил конституционность Договора о Европейском Союзе (Маастрихтского договора) на предмет его соответствия нормам ст. 38 Основного закона ФРГ, которая гарантирует гражданам ФРГ, имеющим право голоса, право принимать участие в выборах депутатов германского

¹ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен : монография. М.: Норма, 2013. С. 463.

² Исполинов А.С. Требуется прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 18.

³ Пункт 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П.

Бундестага¹. Заявитель полагал, что Маастрихтский договор сокращает полномочия и задачи Бундестага и сужает его возможности влиять на легитимацию и осуществление властных полномочий на уровне государства, что, в свою очередь, нарушает принцип демократии. Федеральный Конституционный Суд ФРГ, хотя и признал оспариваемый Договор конституционным, сформулировал важнейшие правовые позиции о соотношении международных обязательств и государственного суверенитета.

В решении по делу Maastricht Федеральный конституционный суд ФРГ оставил за собой, а не за ЕСПЧ право решать вопросы о соответствии норм ЕС той компетенции, которая передана на уровень ЕС, и объявлять акты ЕС *ultra vires*, т.е. принятыми в нарушение полномочий.

Еще более жесткая правовая позиция была сформулирована Федеральным Конституционным Судом ФРГ в постановлении от 14 октября 2004 г. по жалобе Гергюлю (Goerguelu). По мнению Федерального Конституционного Суда, «Основной закон ФРГ имеет целью интеграцию Германии в правовое сообщество мирных свободных государств, но не предусматривает отказа от суверенитета. Следовательно, не противоречит цели приверженности международному праву, если законодатель, в порядке исключения, не соблюдает право международных договоров при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов»².

Кроме того, Федеральным конституционным судом ФРГ было определено соотношение статуса ЕСПЧ и национальной судебной системы государств-участников Конвенции. В частности, было указано на отсутствие в

¹ Постановление Федерального Конституционного Суда ФРГ от 12 октября 1993 г. Maastricht-Urteil des Bundesverfassungsgerichtes vom 12.10.1993 // http://www.europarl.europa.eu/brussels/website/media/Basis/Vertraege/Pdf/Maastricht_Urteil_1993.pdf

² Параграф 30 (часть I C) Order of the Second Senate of 14 October 2 BvR 1481/04 (официальный сайт Федерального конституционного суда ФРГ – http://www.bundesverfassungsgericht.de/en/decisions/rs20041014_2bvr148104en.html)

Конвенции оснований для установления примата решений ЕСПЧ над решениями национальных судов¹.

Вместе с тем, Федеральный конституционный суд ФРГ указал, что правовая природа обязательств, возникающих у государственных органов в связи с решениями ЕСПЧ, полностью зависит от сферы их компетенции и той широты полномочий, которая предоставлена соответствующим органам законом. При этом на национальные суды при любых обстоятельствах налагается обязанность принимать во внимание решения ЕСПЧ, касающиеся ранее рассмотренных ими дел, а в случае если суды наделены правом повторного рассмотрения таких дел, – выносить решение с учетом имеющейся позиции ЕСПЧ при условии недопустимости нарушений материального права соответствующего государства².

Таким образом, Федеральный конституционный суд ФРГ вновь подтвердил, что положения Конвенции и акты ЕСПЧ являются дополнительным источником толкования содержания и объема основных прав, закрепляемых Основным законом ФРГ, и подлежат внутригосударственному контролю.

В решении от 30 июня 2009 г. по делу Lissabon-Vertrag о конституционности Лиссабонского договора Федеральный Конституционный Суд заявил, что компетентен рассматривать акты ЕС на предмет их соответствия «конституционной идентичности» Основного закона ФРГ и не только разрешать, но и обязывать правительство не исполнять акты ЕС и предпринимать меры для защиты конституционной идентичности.

Схожие подходы можно встретить и в конституционно-судебной практике других европейских государств.

В 1987 г. к выводу о правовых пределах действия постановлений ЕСПЧ пришел Конституционный Суд Австрии. Отметив необходимость учитывать судебную практику и решения ЕСПЧ, австрийский Конституционный Суд в

¹ Параграф 18 там же.

² Параграф 30 (часть I C) там же.

то же время указал, что обязан руководствоваться принципами национальной Конституции и потому не может допустить применения решений и правовых позиций Европейского Суда, которые противоречат конституционным принципам¹.

Верховный Суд Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в решении от 16 октября 2013 г. отметил неприемлемость для британской правовой системы выводов и толкования Конвенции в Постановлении Европейского Суда по правам человека от 6 октября 2005 г. по делу «Херст (Hirst) против Соединенного Королевства» (Hirst v. United Kingdom) в отношении ограничения избирательных прав осужденных². Согласно правовой позиции Верховного Суда Соединенного Королевства решения ЕСПЧ не воспринимаются как подлежащие безусловному исполнению, - по общему правилу, они «принимаются во внимание»; следование этим решениям признается возможным только в том случае, если они не противоречат основополагающим материальным и процессуальным нормам национального права³.

Применительно к России вопрос о коллизии конституционного толкования нормы национального законодательства Конституционным Судом Российской Федерации и толкования Конвенции Европейским Судом, при котором оспариваемая норма признается несовместимой с Конвенцией, впервые возник в октябре 2010 года после принятия Европейским Судом по правам человека Постановления по делу «Константин Маркин против России»⁴.

¹ Постановление Конституционного Суда Австрии от 14 октября 1987 г. по делу № В 267/86.

² Постановление Европейского суда по правам человека от 30 марта 2004 г. «Дело Херст (Hirst) против Соединенного Королевства» (Hirst v. United Kingdom) (№ 74025/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 4.

³ В соответствии со ст. 2 Закона Соединенного Королевства о правах человека 1998 г., рассматривая дела о правах человека, британские суды должны «принимать во внимание» практику ЕСПЧ // Human Rights Act 1998. Art 2.

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 г. по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (Konstantin Markin v. Russia), №

Как отмечает Тузмухамедов Б.Р., «впервые Европейский суд в жесткой правовой форме подверг сомнению решение Конституционного суда Российской Федерации»¹. В этом определении от 15 января 2009 г. № 187-О-О Конституционный Суд отметил, что российское правовое регулирование, предоставляющее военнослужащим-женщинам возможность отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста и не признающее такое право за военнослужащими-мужчинами (они могут воспользоваться лишь кратковременным отпуском), не нарушает положения Конституции о равенстве прав и свобод независимо от пола².

Однако ЕСПЧ определил, что предоставление права на отпуск по уходу за ребенком военнослужащим-женщинам при одновременном отказе в этом праве военнослужащим-мужчинам «лишено разумного обоснования». В связи с этим беспрецедентным является вывод ЕСПЧ о том, что «рассматриваемое российское законодательство не является совместимым с Конвенцией и обнаруживает широко распространенную в правовом механизме проблему, касающуюся значительного числа людей»³.

Основа конституционно-правовой доктрины защиты государственного суверенитета Российской Федерации была заложена Постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П

30078/06, judgment of 7 October 2010; Grand Chamber judgment of 22 March 2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 6.

¹ http://www.ng.ru/politics/2010-10-13/3_kartblansh.html

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. N 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей». Текст официально опубликован не был.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 г. по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (Konstantin Markin v. Russia), № 30078/06, judgment of 7 October 2010; Grand Chamber judgment of 22 March 2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 6.

и от 6 декабря 2013 г. № 27-П, в которых были сформулированы следующие правовые позиции¹:

- В процессе производства по пересмотру вступившего в законную силу судебного постановления суд общей юрисдикции может прийти к выводу о невозможности исполнения Постановления ЕСПЧ без отказа от применения положений законодательства Российской Федерации, ранее признанных Конституционным Судом Российской Федерации не нарушающими конституционные права заявителя в его конкретном деле. В таком случае перед судом общей юрисдикции встает вопрос о конституционности указанных законоположений, повлекших нарушение Конвенции в их интерпретации ЕСПЧ.

- Выявление неконституционных законоположений и их исключение из числа действующих правовых норм может являться только совокупным результатом взаимодействия судов различных видов юрисдикции с учетом разграничения их компетенции, предполагающего, с одной стороны, реализацию судом общей юрисдикции правомочия поставить вопрос о конституционности соответствующих норм перед Конституционным Судом Российской Федерации, а с другой – обязанность Конституционного Суда Российской Федерации окончательно разрешить этот вопрос.

- В целях устранения коллизии внутригосударственных и наднациональных норм суд общей юрисдикции приостанавливает производство и обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке соответствия Конституции Российской Федерации примененных в деле норм, нарушающих положения Конвенции.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ч.2 ст. 392 ГПК РФ в связи с жалобами граждан А.А.Дорошка, А.Е.Кота и Е.Ю. Федотовой»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Рос. газ. 2013 . 18 декабря.

Другими словами, Конституционный Суд Российской Федерации обязал суды в случае выявления коллизии между правовыми позициями ЕСПЧ и Конституционного Суда относительно оспариваемой нормы обращаться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации.

В июне 2014 г. предусмотренный в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 27-П механизм разрешения коллизий внутригосударственных и конвенционных норм был закреплен в Федеральном конституционном законе «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹. Статья 101 данного Закона была дополнена положением о том, что суд при пересмотре дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации прав и свобод человека при применении закона либо отдельных его положений, придя к выводу, что вопрос о возможности применения соответствующего закона может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, должен обращаться с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого закона.

Выбор и принятие мер, посредством которых исполняются решения ЕСПЧ, относятся к сфере усмотрения национальной правовой системы (компетенции законодательных, судебных и исполнительных органов). Комитет министров Совета Европы только контролирует исполнение решений ЕСПЧ. Это неоднократно подчеркивал и сам Европейский Суд (Постановления ЕСПЧ от 13 июля 2000 г. по делу «Скоццари и Джунта (Scozzari and Giunta) против Италии», от 30 июня 2005 г. по делу «Ян (Jahn) и др. против Германии», от 29 марта 2006 г. по делу «Скордино (Scordino)

¹ Федеральный конституционный закон от 4 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 6 июня.

против Италии», от 3 июля 2008 г. по делу «Мусаева против России» (Musayeva v. Russia), от 3 июля 2008 г. по делу «Руслан Умаров против России» (Ruslan Umarov v. Russia) и др.). Поэтому формулирование конкретных требований к законодателю с указанием перечня необходимых правовых актов является вторжением в суверенные полномочия национальных органов законодательной власти, которое не предусмотрено Конвенцией.

Необходимость выработки механизма преодоления конвенционно-конституционных коллизий побудила Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П сформулировать ряд условий, при которых государство вправе отказаться от исполнения решения международного суда:

1. ЕСПЧ толкует Конвенцию в ином, нежели обычном, значении либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции.
2. Согласие на обязательность для государства международного договора было выражено им в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным.
3. Толкование нормы международного договора, на котором основано решение, нарушает предписания норм внутреннего права особо важного значения (положения Конституции).
4. Безусловное исполнение решений межгосударственного органа, принятых в несогласующемся с Конституцией истолковании, может повлечь нарушение ее положений, которые являются очевидными для любого субъекта международного права.

В дополнение к судебному механизму разрешения конвенционно-конституционных коллизий (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 27-П), основанному на запросе суда о проверке конституционности оспариваемой в конкретном деле нормы в случае выявления коллизии между правовыми позициями ЕСПЧ и

Конституционного Суда в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П был предложен несудебный механизм, предусматривающий толкование Конституции по запросу Президента или Правительства Российской Федерации. В ситуации, когда Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу о несовместимости решения ЕСПЧ с Конституцией, оно не подлежит исполнению.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации использует «право на возражение» в редчайших случаях и готов к поиску «правомерного компромисса», но определение степени своей готовности он оставляет за собой.

Более того, в практике отечественного конституционного правосудия с самого начала утвердился подход, согласно которому общепризнанные принципы и нормы международного права используются в качестве наднационального эталона, сообразуясь с которым в Российской Федерации осуществляются права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией. Основываясь на этом, Конституционный Суд прибегает к международно-правовой аргументации как для дополнительного обоснования своих правовых позиций, так и для разъяснения значения конституционных норм, а также выявления конституционно-правового смысла тех или иных законов¹.

Как полагает С.Д. Князев, «логичным результатом этого процесса является упрочение взаимодействия российского и международного права, активно поддерживаемое Конституционным Судом и получающее последовательное подтверждение в его многочисленных решениях»².

В настоящее время государства ЕС в целях гармонизации европейского правового поля и национальных правовых систем добровольно принимают во внимание постановления ЕСПЧ по жалобам против других государств, с

¹ Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 485.

² Князев С.Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12.

изменением своего законодательства. Однако на эту рецепцию государства идут до тех пор, пока ЕСПЧ в своем постановлении не затрагивает чувствительных вопросов и не нарушает пределов государственного суверенитета.

Конституционное правосудие идет по пути сближения с Евросоюзом на основе доброй воли и общих ценностей. Но международный гуманитарный консенсус, предусматривающий единство в понимании прав и свобод человека и гражданина и обязательств государств по их защите, не влечет отказа от государственного суверенитета. Критерии легитимности всякой публичной власти, как и масштабы деятельности судов Российской Федерации и оценки ими проверяемых актов, предусматриваются Конституцией, из высшей юридической силы которой нет исключений. Суверенная власть предполагает суверенную ответственность в сфере прав человека¹.

На современном этапе гармонизация международной и национальных правовых систем, сближение правотворческой, правоприменительной и судебной практики нуждаются в обновленной концепции государственного суверенитета, предусматривающей вопросы национальной юрисдикции государств, вопросы юрисдикции наднациональных органов и международных организаций, а также перечень исчерпывающих оснований для международного вмешательства. Выработка такой концепции возможна лишь с привлечением всех заинтересованных государств.

Реализация предложенного согласованного подхода к определению правосубъектности государств, юрисдикции наднациональных органов и международных организаций, пределов ограничения государственного суверенитета, разработки исчерпывающих оснований для международного вмешательства во внутренние дела государств позволит избежать «двойных» стандартов в международных отношениях и оптимизировать существующие

¹ Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2011. С. 28.

механизмы разрешения конфликтов между наднациональными и национальными органами.

Список использованных источников и литературы:

1. Международное право / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М.: Омега – Л, 2006.
2. *Джагарян А.А.* Концепция суверенной демократии в конституционном измерении / Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении. Сб. статей и материалов. М.: Рос. газ., 2007.
3. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» // Рос. газ. 2013. 5 июля.
4. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: Рос. юрид. изд. дом, 1997.
5. *Зорькин В.* Предел уступчивости // Рос. газ. 2010. 29 октября.
6. *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен : монография. М.: Норма, 2013.
7. *Исполинов А.С.* Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5.
8. *Князев С.Д.* Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12.
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Рос. газ. 2013 . 18 декабря.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Рос. газ. 2015. 27 июля.
11. Постановление Европейского суда по правам человека от 30 марта 2004 г. «Дело Херст (Hirst) против Соединенного Королевства» (Hirst v. United Kingdom) (№ 74025/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 4.

12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 г. по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (Konstantin Markin v. Russia), № 30078/06, judgment of 7 October 2010; Grand Chamber judgment of 22 March 2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 6.

13. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» (Anchugov and Gladkov v. Russia), №№ 11157/04, 15162/05 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 2.

14. Постановление Федерального Конституционного Суда ФРГ от 12 октября 1993 г. Maastricht-Urteil des Bundesverfassungsgerichtes vom 12.10.1993 // http://www.europarl.europa.eu/brussels/website/media/Basis/Vertraege/Pdf/Maastricht_Urteil_1993.pdf

15. *Эбзеев Б.С.* Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2011. С. 28.